УДК 81 - 42
https://doi.org/10.25076/vpl.57.03
Г.Г. Фефелова[3]
Уфимский государственный нефтяной технический университет
А.Г. Анисимова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

В статье исследуется комический дискурс как многогранный феномен, формирующийся на пересечении лингвистических и культурных аспектов. Основной целью работы является анализ специфики комического высказывания в условиях различных культурных реалий и языковых систем. Особое внимание уделяется влиянию культурных особенностей на процессы создания и интерпретации юмора, а также лингвистическим инструментам, обеспечивающим передачу комического эффекта. Проведен анализ юмористического языка, направленный на изучение механизмов порождения и восприятия юмора в рамках языковых и культурных контекстов. Выявлены ключевые факторы, определяющие своеобразие юмористического высказывания, а также исследованы взаимосвязи между языковыми средствами и культурными особенностями в процессе комической коммуникации.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что комический дискурс выступает в качестве отражения культурных традиций и социальных норм, а также служит инструментом для анализа динамики межкультурного взаимодействия. Установлено, что восприятие юмора обусловлено не только языковыми нормами, но и культурными ценностями, стереотипами и контекстами, в

---

[3] © **Фефелова Г.Г., Анисимова А.Г.** 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

которых осуществляется коммуникация. Таким образом, комический дискурс представляет собой значимый объект изучения для понимания взаимосвязей между языком и культурой.

Ключевые слова: комический дискурс, лингвокультурология, язык, межкультурная коммуникация, лингвистика, культура

UDC 81 - 42
https://doi.org/10.25076/vpl.57.03

G.G. Fefelova
Ufa State Petroleum Technical University
A.G. Anisimova
Lomonosov Moscow State University

THE STUDY OF COMIC DISCOURSE THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE AND CULTURE

The article explores comic discourse as a multifaceted phenomenon that forms at the intersection of linguistic and cultural aspects. The main purpose of the work is to analyze the specifics of comic utterance in the context of various cultural realities and language systems. Special attention is paid to the influence of cultural peculiarities on the processes of creating and interpreting humor, as well as linguistic tools that ensure the transmission of a comic effect. The analysis of the humorous language is carried out, aimed at studying the mechanisms of the generation and perception of humor within the framework of linguistic and cultural contexts. The key factors determining the originality of a humorous utterance are identified, as well as the interrelationships between linguistic means and cultural features in the process of comic communication are investigated. The results of the study indicate that comic discourse acts as a reflection of cultural traditions and social norms, and also serves as a tool for analyzing the dynamics of intercultural interaction. It is established that the perception of humor is determined not only by linguistic norms, but also by cultural values, stereotypes and contexts in which communication is carried out. Thus, comic discourse is a significant object of study for understanding the interrelationships between language and culture.

Keywords: comic discourse, linguoculturology, language, intercultural communication, linguistics, culture

Введение

Лингвокультурология как интегративная научная область, компелирующая результаты исследования культурологии и языкознания представляет для нас интерес в контексте данной работы с позиции лингвокультурологического анализа текстов как подлинных хранителей национальной культуры. В силу того, что приобщение носителя языка к культуре возможно путем присвоения ими «чужих» текстов; они, несмотря на то, что являются мизерными частицами вселенной, тем не менее, вбирают в себя ее целиком (Akopova, 2024). Поэтому важно изучение взаимодействия и взаимовлияния языка как аккумулятора и транслятора культурной информации, культуры с ее идеалами и преференциями и человека, ее создателя.

Как отмечал еще В. Гумбольдт, национально-культурное «присвоение» мира человеком происходит посредством родного языка, потому что он способен думать о реальной жизни, только пользуясь языковой концептуальной сетью– уникальной в каждом национальном языке. Именно в силу оригинальности инструментов концептообразования, по Л. Вейсгерберу, у разных наций формируются разные картины мира, служащие основой их культур. Хотя среди ученых существует мнение, основанное на результатах исследований А. Вежбицкой, не все различия в языках детерминированы этнической культурой его носителей; различаются случаи, когда лингвистические единицы сами выступают в статусе культурных стереотипов и номинируют предметы культуры.

Метод восприятия окружающей реальности, связанный с разработанными гипотетическими моделями, который в значительной степени остается неосмысленным и логически не артикулированным, квалифицируется исследователями как ментальность (Гуревич, 1985; Antipova, Rabeson, Smirnova, 2021). Она представляет собой уровень общественного сознания, интегрирующий интеллектуально-эмоциональную сферу общества, тот неосязаемый минимум духовного единства индивидов, без которого становление любой социокультурной формации оказывается невозможным.

Коллективное мировоззрение народа воплощается в наиболее значимых культурных концептах его языка (Gribanova, Gaidukova,

2019). Категория, репрезентирующая внутреннюю структурированность и вариативность ментальности, совокупность этнического разума и психической организации, обозначается как менталитет, который выступает психолингвистическим интеллектом полиморфных лингвокультурных сообществ.

Анализ научных исследований, направленных на изучение специфик этнических менталитетов, выявил его манифестацию не на уровне концептуальной, а исключительно наивной языковой картины мира (см. труды Ю.Д. Апресяна, Е.С. Яковлевой, О.А. Корнилова и др.).

В процессе субъективного восприятия носителем языка как прямой, так и косвенной объективной реальности происходит интеграция культурных репрезентаций в виде мифологических повествований, преданий, легенд, религиозных мировоззренческих установок и т. п., каждая из которых обладает уникальным атрибутом (Grishechko, Sharma, Zheleznova, 2021).

Автор одной из первых классификаций культуры П. Сорокин выделил несколько частей, которые в определенной степени подчеркивают индивидуальный архетип каждого из представителей. В частности он описал: «**идеационную**, **сенсативную** и **идеалистическую**» (Сорокин, 1992)

Язык культуры понимается как символическая структура, объединяющая устные и письменные элементы, а также их взаимодействие, устанавливающая связь между аксиологическими константами и управляющая как уже существующими, так и вновь создаваемыми явлениями, концептами, образами и другими потенциальными культурными моделями (Khramchenko, 2010; Malyuga, Akopova, 2021).

В контексте взаимодействия с другими национальными культурами он выполняет роль знаковой системы коммуникации, служащей не только для передачи информации, но и для объективирования особенностей народного восприятия мира. Он демонстрирует уникальные способы осмысления действительности, формировавшиеся под влиянием исторических, социальных и духовных факторов, а также раскрывает динамику взаимосвязи и культурного обмена между различными этносами, отражая степень их влияния друг на друга (Malyuga, Popova, 2018).

Под культурными установками, формирующимися на протяжении исторической эволюции народа и фиксируемыми в его коллективной памяти, подразумеваются идеальные проекции, на основе которых индивиды оцениваются как соответствующие либо несоответствующие установленным ценностным критериям (O'Dowd, 2017). Также отличительной чертой человеческого существования является наличие конвенциональных регулятивов и нормативных предписаний, обособляющих его от хаотического бытия и определяющих фундаментальные параметры его жизнедеятельности.

Многие отечественные исследователи стремились выявить и проанализировать ключевые традиционные установки русского этноса. Так, Н.О. Лосский выделял его положительные ориентиры, среди которых приверженность к родине, коллективная солидарность, бескорыстие, духовная наполненность, сострадание; наряду с этим он акцентировал внимание и на отрицательных проявлениях, таких как идолизация государственной власти, крайность суждений, жестокость и другие (Лосский, 1957). Однако, по мнению В.Н. Телия, они не столь категоричны, как, например, систематизация языковых феноменов; к этнической культуре она относит все, что трактуется через терминологические рамки ценностных предписаний или так называемых «прескрипций (выражений) народной мудрости» (Телия, 1986).

Культурные ценности в механизмах человеческой жизни выполняют широкий спектр функций, включая координацию взаимодействия человека и природной среды, мотивацию, регуляцию и прочие. Индивидууму присуще не только познание окружающего мира, но и оценка его значимости в контексте удовлетворения собственных нужд, что обусловливает наличие различных подходов к изучению ценностей и их иерархии: неизменные, социальные, индивидуальные.

Лингвистическая информация о системе ценностей отражает особенности национального мировосприятия, концентрируясь в центральных концептах культуры. Эти концепты представляют собой базовые смысловые единицы картины мира, обладающие фундаментальной значимостью как для всего этноса, так и для отдельного индивида.

Ключевые культурные концепты транслируют абстрактные представления, которые, по мнению Д.С. Лихачева, «формируются в человеческом сознании не только как интуитивные предчувствия значений, но и как реминисценции на предшествующий лингвистический опыт цивилизации – исторический, социальный, научный, художественный и прочие» (Лихачев, 1997).

Некоторые исследователи разделяют концепты на две группы: первая включает в себя «универсальные философские категории, такие как время, пространство, движение, причинность, относительность» и тому подобные; вторая охватывает социально-культурные аспекты, среди которых «свобода, справедливость, совесть, судьба» и прочие (Гуревич, 1985, с. 131). В. Маслова выделяет также «группу национально специфичных категорий, в частности, характерных для русской культуры – воля, доля, интеллигентность, соборность» и т.п. (Маслова, 2005) В каждом языке можно обнаружить значительное количество подобных культурно обусловленных концептов.

Другие исследователи вычленяют из них категории двоякого рода: с одной стороны, «космические», философские, универсальные – это понятия времени, пространства, движения, причины, релятивности и под.; с другой, социальные, или культурные, – понятия свободы, справедливости, совести, греха, судьбы и т.д. (Гуревич, 1985,с. 131). В. Маслова причисляет к ним еще группу категорий национальной культуры, в частности, для русской – воля, доля, интеллигентность, соборность и т.п. (Маслова, 2005) Таких культурно-специфичных концептов в любом национальном языке насчитывается большое количество.

Важным понятием в контексте настоящего исследования является терминологическая конструкция «культурная коннотация», введенная В.Н. Телия и определяемая ею как «интерпретация денотативного или образно-мотивированного компонентов семантики в категории культуры» (Телия, 1986). Существенным источником культурной маркированности лексических единиц считается их вовлеченность в специфический дискурс (текст). В этом контексте актуально понятие культурных универсалий, то есть элементов, значимых для всех культур, которые актуализируют определенные аспекты реальной

действительности в художественных текстах и представляют собой традиционные репрезентации идеологических символов эпохи.

В языкознании известны лингвистические универсалии, включая выделяемые А. Вежбицкой концептуальные и лексические универсалии. В комбинации друг с другом они образуют фундаментальные культурные категории, поскольку, как отмечает А. Вежбицкая, «чтобы осмыслить что-либо, требуется нечто большее, чем отдельные концепты: необходимы их осмысленные сочетания» (Вежбицкая, 2011, с. 299). Она пересматривает гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, полагая, что «системы мировосприятия, представленные различными языками, а также выявленные в них этноспецифичные концепты, сопоставимы в той мере, в какой допускают интерпретацию посредством «семантических примитивов». Каждый естественный язык формирует собственную «семантическую вселенную»: «языковые и культурные системы в значительной степени различаются, однако существуют универсальные семантические и лексические структуры, которые указывают на общий понятийный базис, лежащий в основе языка, мышления и культуры», – подчеркивает А. Вежбицкая. (Вежбицкая, 2011, с. 322).

Интервал способов репрезентации лингвокультурных универсалий с использованием лингвистических ресурсов очень обширен: от простых слов до сложных синтаксических конструкций. Исследователи выделяют их существенную особенность – амбивалентность: с одной стороны, они направлены на материальный мир, с другой – на этнокультурные и духовные категории, что определяет их семантическую насыщенность и способность к символическому выражению основополагающих идей текста. Это своего рода его культурные маяки. Текст, стыкующий лингвистику и культуру, принадлежит языку как высший его знак и одновременно культуре как форма ее существования.

В настоящее время учёными выявлены четыре ключевых механизма представления культурной информации посредством номинативных языковых элементов: культурных семантических компонентов, фоновых знаний, концептов и коннотаций. Вопрос о природе взаимосвязи языка и национальной культуры трактуется ими неоднозначно. Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров

рассматривают её через призму национально-культурного компонента, Ю.А. Сорокин акцентирует внимание на фоновых знаниях, а В.Н. Телия (чьей позиции мы придерживаемся) – на культурной коннотации.

Последняя формируется в результате осмысления ассоциативно-образной сути фразеологических единиц или метафор через их связь с национально-культурными стереотипами. Коннотации опираются на возникающие при восприятии слова ассоциации, порой обусловленные характеристиками самих реалий. Часто они воспринимаются как своеобразный оценочный фон, ярко демонстрирующий национальную специфику языка и формирующий его мировидение. Иными словами, коннотации представляют собой проявление ценностного осмысления объективной реальности, оказывая влияние на внутреннюю мотивацию носителей языка. Они воплощают потенциал номинативной языковой системы, поскольку коннотативные единицы способны как сохранять глубинные смыслы, так и фиксировать их в языковом сознании, тем самым формируя культурно-национальную языковую картину мира.

Все вышеизложенное позволяет считать лингвокультурологическое рассмотрение комического дискурса в контексте нашего исследования актуальным.

Комический дискурс в лингвокультурологическом аспекте

Как отмечают языковеды, вся лингвистика пронизана культурно историческим содержанием, поскольку ее предмет – язык – является базой, условием и произведением культуры. В большинстве жизненных обстоятельств он сталкивается не с самим реальным миром, а с его когнитивными моделями, вследствие чего тот видится ему сквозь призму национальной культуры и языка. Вероятно, данное обстоятельство позволяет Ю.С. Степанову полагать, что язык как бы исподволь направляет теоретическую мысль философов, отводивших последнему центральную роль. Культура организует и мышление носителя языка, и языковые категории и концепты; идея ее изучения через лингвистический материал как наиболее весомых знаний о мире и человеке в нем не нова: это утверждали А. Брюкнер, Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, Е. Бартминьский. Культура позиционировалась ими

феноменальным явлением, способствующим постижению тайн человека, языка и текста; в результате их изысканий в лингвистике конца XXв. принят постулат, гласящий, что язык не только связан с этим феноменом, – он рожден им и выражает его, т.к. с его помощью создаются реальные материальные и духовные артобъекты.

Для семантическо-когнитивного анализа комического дискурса особенно значимо понятие национально-культурных инвариантов языкового сознания. Термин «инвариант» в философском смысле обозначает феномен или идею, обладающую доминирующим влиянием на протяжении продолжительного исторического периода. В качестве инвариантов культуры рассматриваются архетипические концепты, по мнению Ю.С. Степанова трактующиеся как – «комплексы представлений, знаний, ощущений и ассоциаций», сопровождающих лексическую единицу. (Степанов, 1997, с. 40). Так понятие константы приобретает широкое лингвофилософское значение, и константные атрибуты неизменности и постоянства концепта-архетипа становятся релятивными. Причина заключается в том, что культурные константы антропоцентричны, т.е. они лишены субстанциональности и объекты действительности отражаются в них не сами по себе, а через отношения к ним человека. Служа инструментарием систематизации его опыта познания внешнего мира, они специально им не осознаются.

Концепты обычно наделяются способностью субъективного отражения действительности, представляя собой гипотетические конструкции, обобщающие реальность в предельной степени.

Кроме того, концепт отличается от понятия сложной структурой, состоящей из нескольких уровней: «активного»; «пассивного»; 3) имманентного, этимологического слоя (Степанов, 1997).

Синхронность и взаимодополняемость концептуальных уровней обеспечивают целостность их признаков: стабильность опирается на первоначальный смысл, зафиксированный в словесной оболочке, тогда как динамичность мышления поддерживается пропорцией семантического наполнения первых двух – актуального и исторического – уровней. Эти аспекты определяют изменчивость исторического и фонового пространства концепта, актуализацию одних смыслов и нивелирование других, что делает его структуру

открытой. В отличие от этого, понятие лишено подобной динамичности, характеризуясь устойчивостью, объективностью и кристаллизацией наиболее значимых признаков при исключении малосущественного, частного и субъективного.

Сегодня наряду с термином «концепт» широко используется выражение «культурный концепт», обозначающее многослойное ментальное образование, включающее несколько качественно различных уровней (составляющих, слоев, измерений) (Степанов, 1997, с. 41; Воркачев, 2004, с. 80; Карасик, 2004, с. 129).

Чтобы стать культурным концептом, неделимые семантические единицы должны быть интегрированы в лингвокультурное пространство. Например, рациональный оператор оценки «смешное» в языковой системе, обогащаясь аксиологическими коннотациями и метафорическими ассоциациями, реформируется в концепт «комическое». Чтобы выявить отличительные черты культурных концептов как лингвокультурологических единиц и их национально-культурные отличия, необходим их сопоставительный анализ.

Следует подчеркнуть, что в многослойной структуре культурного концепта, выполняющего интегрирующую и эвристическую функции, ключевую роль играет лишь один из уровней – понятийный. Его невозможно постигнуть через традиционную логику путем перечисления сущностных характеристик изучаемого явления, поэтому «его смысл раскрывается через механизм отрицания», - по мнению Ю.С. Степанова и др. (Степанов, 1997, с. 76; Колесов, 2004, с. 64; Berger, 2023). Считается, что этот уровень лишен образности, связи с местом своей номинации в лексической системе и других аналогичных параметров. В структуре культурного концепта особую роль играет ассоциативный аспект, выражающийся через систему образных и метафорических оттенков значений. Эти коннотации не только придают концепту эмоциональную и экспрессивную окраску, но и отражают особенности национального восприятия мира, закреплённые в языковой картине действительности. Ассоциативные связи формируются под влиянием исторического опыта, традиций и мировоззренческих установок общества, что делает их важным элементом символической системы культуры. Чернейко отмечает, что именно

«вещные коннотации», закрепленные в устойчивых словосочетаниях, раскрывают его национальную самобытность» (Чернейко, 1997, с. 285). В процессе языкового воплощения образного компонента возможны его символические трансформации, – полагает Колесов (Колесов, 2004, с. 107).

В системе координат концептуального пространства особую значимость приобретает номинативный, или лингвокультурный, аспект, который отражает его вербальное воплощение в естественном языке и непосредственно связан с процессом наименования концепта – лексической единицей, служащей его языковой репрезентацией. Одним из «ключевых проявлений его релевантности является «переживаемость», то есть «способность активизировать духовную сферу человеческого сознания благодаря своей аксиологической или иной ценностной составляющей», – как отмечал Карасик (Степанов, 1997, с. 41; Карасик, 2004, с. 139). Синонимические единицы, обеспечивающие его экспрессию, выполняющие функцию выражения концепта, формируют определённую систему, упорядоченную в соответствии с их употребляемостью и смысловой значимостью. В этом контексте С. Г. Воркачёв выделяет пары культурных концептов, различающихся по степени их ценностной нагрузки и частотности использования в языке. Например: «счастье – блаженство», где первое понятие имеет более широкий и нейтральный характер, а второе – оттенок возвышенности и абсолютности; «любовь – милость», где первый термин охватывает глубокие личные чувства, а второй несёт в себе оттенок благосклонности и добродетели; «справедливость – правда», отражающие разные грани моральных норм и объективности; «свобода – воля», где первый концепт связан с отсутствием ограничений, а второй — с внутренней решимостью и возможностью выбора; «честь – достоинство», где первое понятие имеет социальную окраску, а второе носит более личный, этический характер. Эти семантические различия формируются под влиянием исторических, философских и культурных факторов, определяя специфику национальной языковой картины мира. В рамках нашего исследования к указанным концептуальным парам можно также отнести «смех – радость», где первый термин отражает внешнее, экспрессивное проявление эмоции, тогда как второй охватывает более глубокое и продолжительное внутреннее состояние

удовлетворённости и счастья. Эта пара демонстрирует различие между спонтанной реакцией и устойчивым чувственным переживанием, что подчёркивает многослойность и богатство семантической структуры культурных концептов.

Типологизация концептов может основываться на уровне их абстрактности: если номинации естественных явлений не рассматриваются в качестве концептов, то наименования культурных артефактов, обогащаясь этнокультурными смыслами, становятся их представителями. Тем не менее, вне зависимости от уровня культурной маркированности, как концепты, так и универсальные ментальные категории являются отражением, по меткому замечанию Вильгельма фон Гумбольдта, «духа народа» (Гумбольдт, 1985).

Концептуальное пространство комического дискурса

Рассмотрим концептуальное пространство комического дискурса с непосредственно связанного с ним понятия картины мира. В современных гуманитарных науках концепция картины мира приобрела широкую популярность и активно используется в различных областях исследования. В связи с этим возникает необходимость в её точном и однозначном определении, позволяющем обеспечить согласованность интерпретаций среди представителей различных научных направлений. Чёткое понимание данного термина не только способствует эффективному междисциплинарному взаимодействию, но и раскрывает его значимость для анализа когнитивных, культурных и языковых процессов, формирующих мировосприятие человека.

С позиций гносеологии мировосприятие можно рассматривать как структурированную систему представлений о действительности, складывающуюся в рамках индивидуального, группового или общественного сознания. В этом контексте принципиально важно различать два его вида: непосредственный, основанный на прямом сенсорном опыте и интуитивном восприятии окружающего мира, и опосредованный, формируемый через язык, культурные коды, научное познание и социальные институты. Такое разграничение позволяет глубже осмыслить механизмы формирования знаний и их роль в построении целостной когнитивной модели реальности.

Первый вид мировосприятия отражает непосредственное осознание окружающей реальности, формируемое в результате прямого взаимодействия человека с внешним миром через сенсорные каналы – зрение, слух, осязание, вкус и обоняние. Оно рождается в процессе личного опыта, интуитивного осмысления или же на основе гипотетических умозаключений, минуя сложные когнитивные и языковые посредники. Такой способ познания обеспечивает базисную, фундаментальную связь индивида с действительностью, закладывая основу для дальнейшего анализа и интерпретации полученной информации в рамках более сложных моделей осмысления мира. В массовом сознании подобные образы реальности формируются в зависимости от способов освоения знаний, что предопределяет их многообразие и вариативность. В зависимости от доминирующего подхода к познанию мира они могут опираться либо на логическое осмысление и анализ, либо на интуитивное и эмоциональное восприятие. Так, одни картины мира строятся на принципах рациональности и обоснованности, тогда как другие базируются на чувственном переживании. Одни опираются на динамическое, диалектическое восприятие реальности, тогда как другие придерживаются статичных, метафизических представлений. Кроме того, они могут быть материалистическими, основанными на объективных законах природы, или идеалистическими, рассматривающими сознание и духовные ценности как первооснову бытия. В зависимости от источника знаний картины мира также подразделяются на эмпирические, формируемые на основе практического опыта, и теоретические, основанные на концептуальных моделях и обобщениях. В свою очередь, религиозные картины мира выстраиваются вокруг духовных и сакральных аспектов бытия, тогда как научные – на критическом осмыслении и доказательном знании. Такое разнообразие отражает сложность и многогранность человеческого познания, обусловленного культурными, историческими и социальными факторами.

Характерной чертой непосредственной (или «наивной») картины мира является её тесная интеграция с мировоззрением, которое выступает не только как способ восприятия окружающей реальности, но и как ключевой механизм для её интерпретации и осознания. Это мировоззрение действует как основа для понимания

действительности, определяя, как индивид или коллектив воспринимает и организует информацию о мире. В свою очередь, такая картина мира воспринимается как естественное и интуитивно понятное объяснение существующих явлений, не требующее глубоких аналитических усилий. Она может быть сформирована на основе повседневного опыта, культурных традиций и эмпирических наблюдений, оказываясь в тесной связи с повседневной жизнью, практическим взаимодействием с миром и личной интуицией. Иными словами, мировоззрение определяет подход к познанию мира, в то время как картина мира является его результатом, воплощая собой конкретные образы и представления о реальности. «Наивная» картина мира не ограничивается только сбором концептуальных знаний, она также активно формирует ментальные стереотипы и шаблоны, которые направляют восприятие окружающего мира и процесс его интерпретации. Этот процесс позволяет рассматривать её как когнитивную, поскольку она является основой для формирования различных умственных конструкций, включающих в себя как осознанные, так и автоматизированные способы обработки информации. Картина мира выступает как продукт интеллектуальной деятельности, результат работы когнитивного сознания, опирающегося на устоявшиеся и регламентированные знания, которые в свою очередь создают концептуальную сферу, структуру понятий и категорий, формируя когнитивные модели, используемые индивидом для понимания и адаптации к окружающей действительности.

В связи с этим Н. М. Лебедева подчеркивает, что «когнитивную матрицу, формирующую представление о мире, человеку задает его собственная культура» (Лебедева, 1999, с. 21). Когнитивная картина мира служит основой для построения внутренней структуры, через которую индивид или сообщество интерпретируют, систематизируют и взаимодействуют с внешним миром. Эта модель, в свою очередь, влияет на повседневное поведение, принятие решений, а также на личные и коллективные ценности, культурные нормы и социальные отношения. Важно отметить, что когнитивная картина мира постоянно эволюционирует, адаптируясь к изменениям в опыте, знаниях и социальных

контекстах, создавая динамичное взаимодействие между индивидуальным и коллективным восприятием.

Национальная когнитивная картина мира отражает уникальный способ восприятия и интерпретации окружающей действительности, свойственный конкретному этносу. Она проявляется в системе ценностей, социальных нормах и культурных практиках, формируя основу для коллективного сознания и взаимодействия в рамках определённой культурной и исторической традиции.

Опосредованная картина мира, в отличие от непосредственной, является продуктом глубокого осмысления концептосферы через использование вторичных знаковых систем. К числу таких систем можно отнести языковую картину мира, которая выражается через лексику, грамматику и фразеологию, а также художественную картину мира, проявляющуюся в образах искусства, литературных произведениях и визуальных формах творчества. Эти системы служат посредниками между индивидуальным восприятием и коллективной реальностью, трансформируя внутренние представления о мире в знаковые структуры, доступные для обмена и понимания в рамках определённой культуры. Таким образом, опосредованная картина мира становится более сложной и многослойной, отражая не только личный опыт, но и общественные, культурные и исторические контексты.

Согласно М. В. Пименовой, «языковая картина мира представляет собой совокупность знаний о реальности, зафиксированных в языке, а также механизмов их получения и интерпретации» (Пименова, 2011, с. 5). Однако, принимая во внимание вышесказанное, можно согласиться лишь с первым компонентом этого определения, поскольку второй аспект скорее относится к когнитивной картине мира. Разграничение данных понятий подчеркивает В. В. Красных, указывая, что «различия в языковых картинах не всегда свидетельствуют о кардинальных расхождениях в картинах мира» (Красных, 2002, с. 17, 19).

В качестве аргументации В.В. Красных приводит примеры: «носители языка способны различать оттенки цветов, даже если язык не содержит их точных номинаций; в русском языке отсутствует грамматическая категория неопределенности, но она компенсируется лексическими средствами». В то же время

лингвистическая картина мира может оказывать значительное влияние на восприятие реальности, задавая его структурные параметры. Например, «изучающие иностранные языки со сложной системой времен испытывают трудности не только в освоении грамматических форм, но и в принципах категоризации временной оси; аналогично иностранцы, изучающие русский язык, сталкиваются с проблемами в освоении категории вида глагола», – отмечает В.В. Красных. (Красных, 2002, с. 21).

Используя метафору, А. А. Леонтьев отмечал, что «языковая картина представляет собой «отражение мира в зеркале языка» (Леонтьев, 1993, с. 18), в то время как картина мира в целом является «ментальной репрезентацией объективной реальности» (Леонтьев, 1993, с. 18). Лингвокогнитивные парадигмы играют ключевую роль в формировании языковой картины мира, тогда как концептуальная картина строится преимущественно на основе феноменологических когнитивных структур, которые могут находить выражение в языковых формах (Красных, 2002, с. 67).

Языковая картина мира фиксирует народные представления о реальности на конкретном историческом этапе, задавая ее классификацию и систематизацию в рамках лексической системы. Однако эти представления ограничены, поскольку язык выборочно называет и определяет феномены, присутствующие в сознании носителей. Более того, языковая картина мира представляет собой отображение состояния общественного восприятия, которое развивалось и формировалось на протяжении многих столетий, что делает её особенно ценным объектом для ретроспективного анализа. В то время как она несомненно остаётся важной для исследования исторических концептуальных изменений, её значимость в контексте современных трансформаций мышления этноса ограничена. В текущем научном дискурсе общепризнано, что мышление народа не является напрямую зависимым от языка, однако язык остаётся основным инструментом, через который это мышление выражается, фиксируется и получает наименование. Он служит связующим звеном между внутренними когнитивными процессами и внешним миром, обеспечивая возможность коммуникации, передачи знаний и сохранения культурных традиций.

Изучение представлений о реальности, запечатлённых в языке конкретного исторического периода, предоставляет лишь косвенные основания для осмысления интеллектуальной деятельности народа того времени и частичного восстановления его подлинной когнитивной модели мира (Малюга, 2023). Тем не менее, важно отметить, что языковая картина мира не является полной аналогией когнитивной картины, поскольку последняя гораздо более обширна. Это связано с тем, что далеко не вся концептуальная информация получает языковое выражение и становится частью вербальной коммуникации. Когнитивная картина мира включает в себя и те аспекты человеческого восприятия и мышления, которые не всегда могут быть адекватно переданы средствами языка, такие как интуитивные, эмоциональные или невербальные элементы, которые остаются вне поля языкового оформления, но тем не менее играют важную роль в структуре мировосприятия.

Таким образом, языковая картина мира ограничена в передаче информации о действительности: в ней закрепляются лишь те элементы, которые имели или имеют актуальное коммуникативное значение, соотносящееся с культурной ценностью передаваемых понятий (Карасик; Слышкин, 2004, с. 77).

Безусловно, анализ когнитивной модели мира через призму языковых знаков даёт исследователю ценные знания, однако их извлечение требует применения специальных методик. Ключевая характеристика данной вторичной картины заключается в отсутствии непосредственного воздействия на носителя языка в процессе его мыслительной и поведенческой деятельности, в отличие от когнитивной модели, обладающей такой способностью. Именно через когнитивные классификаторы осуществляется так называемое «разделение мира», о котором говорится в связи с языковой картиной мира. Однако язык сам по себе не структурирует реальность, а лишь фиксирует когнитивные разделения, произведённые мышлением и зафиксированные в концептуальном поле этноса, сообщая о них.

Поэтому изучение языковой картины мира наиболее эффективно проводится в рамках дескриптивной структурной лингвистики, которая позволяет детально рассматривать и анализировать языковые средства, отражающие мироощущение и восприятие

реальности. В свою очередь, когнитивный анализ этих данных предоставляет мощный инструмент для исследования первичной модели мира, открывая доступ к глубинным процессам мышления и восприятия. Этот подход позволяет выявить, как конкретные элементы языка фиксируют особенности мировоззрения, ментальные конструкции и концепты, которые служат основой для формирования более сложных когнитивных структур. Когнитивный анализ языковой картины мира не только углубляет понимание взаимодействия языка и мышления, но и помогает реконструировать ментальные модели, которые формируют восприятие и интерпретацию реальности в различных культурных и исторических контекстах.

Эти два направления следует чётко разграничивать и не отождествлять, так как языковая картина только частично передаёт содержание концептосферы, что позволяет судить о ней лишь фрагментарно, хотя язык, вероятно, остаётся наиболее точным кодом для её репрезентации. Иначе говоря, когнитивная и языковая картины мира взаимосвязаны подобно изначальному ментальному содержанию и его символическому воплощению, как глубинное осмысление действительности и его закодированное представление для исследователя. (Ахренова, 2023).

Аналогично языковой, художественная модель мира носит вторичный характер, формируясь в сознании воспринимающего субъекта (читателя, слушателя, зрителя) при взаимодействии с произведениями искусства. Причём её опосредование происходит дважды: сначала через язык, затем через индивидуально-авторскую концептуальную модель. В художественном тексте, где язык служит инструментом создания образов, значимую роль играют тематические группы лексики, частотность определённых слов, использование тропов, авторские неологизмы и др. Это позволяет выявить индивидуальную картину мира автора. Одновременно в произведении могут находить отражение элементы этнической концептуальной модели, её культурно-специфические понятия.

В последние десятилетия термин «менталитет» стал активно применяться в когнитивной лингвистике. Однако, несмотря на обилие, а порой и противоречивые определения, зафиксированные в словарях с середины 90-х годов XX века, его содержание остаётся неопределённым и расплывчатым. Этот термин может обозначать

не только тип мышления, психологический склад характера, особенности восприятия, но и множество других понятий, часто употребляемых без чёткого контекста и иногда используемых просто в качестве модного штампа. С точки зрения когнитивной лингвистики целесообразно провести чёткое разграничение между понятиями «менталитет» и «концептосфера». «Менталитет» в данном контексте предполагает некую совокупность устойчивых психо-когнитивных схем и привычек восприятия, присущих отдельной культуре или этносу, тогда как «концептосфера» более специфична и связана с системой концептов, которая отображает мировосприятие и знание, характеризующие определённое сообщество. Такое разделение позволяет более точно и корректно исследовать ментальные структуры, которые формируют мышление и восприятие реальности, не смешивая их с более широкими, общими представлениями о культуре и психологии народа.

Менталитет можно рассматривать как специфический способ восприятия и осмысления реальности, формируемый когнитивными стереотипами, присущими индивиду или определённой социальной, этнической или культурной группе.

В этом аспекте следует анализировать как индивидуальный, так и коллективный менталитет, отражающий особенности восприятия реальности в конкретных социальных группах: будь то гендерные, возрастные, профессиональные или иные объединения. Очевидно, что одни и те же события воспринимаются по-разному в зависимости от групповой принадлежности, что заметно, например, в различиях между мужчинами и женщинами, представителями различных социальных слоёв, гуманитариями и технарями. Данные различия объясняются механизмом каузальной атрибуции, акцентирующим роль когнитивных стереотипов в приписывании причинности событиям. Следовательно, менталитет группы соотносится с её установками и механизмами восприятия.

Национальный менталитет представляет собой специфический подход к интерпретации реальности, обусловленный устойчивыми когнитивными стереотипами. Например, в американской культуре высокий финансовый статус ассоциируется с умом, тогда как в российском менталитете он нередко воспринимается как показатель нечестности. Подобное различие характерно и для

понятий: «новый» в американском сознании означает «усовершенствованный», тогда как в российском мышлении он зачастую воспринимается как «непроверенный».

Менталитет различных этносов способен оказывать влияние на то, как они интерпретируют однотипные ситуации, инициируя у органов чувств предвзятое восприятие определенных аспектов и игнорирование других. Например, в русской культуре может подчеркиваться послушание женщин азиатского происхождения, в то время как их собственные женщины, обладающие проявлениями инициативы, остаются незамеченными. С другой стороны, у мужчин из Восточной Азии активность и даже агрессивность женщин из России оценивается в первую очередь, в то время как их собственные женщины могут рассматриваться как более покорные. Интерпретация воспринимаемого подвержена влиянию менталитета.

Менталитет в когнитивных процессах взаимодействует с концептуальной сферой, содержащей знания этноса. Это особенно заметно в восприятии и осмыслении реальности: когнитивные структуры, составляющие концептосферу народа, формируют устойчивые стереотипы мышления. Например, концепт «авось» в русской концептосфере обусловливает ментальный стереотип, допускающий неопределённость в действиях. В то же время национальные стереотипы способны влиять на динамику концептов, закрепляя определённые оценки явлений. Несмотря на их взаимосвязанность, менталитет и концептосфера представляют собой разные феномены, требующие различных подходов к изучению.

Концепт, как правило, объективируется в языковых знаках, но его природа выходит за рамки традиционных лексико-семантических структур, демонстрируя сложную межуровневую организацию номинативных единиц (Фефелова, 2022, с. 38).

Концепты, как правило, включают различные номинативные пространства. Одни из них характеризуются обширной и легко выявляемой системой обозначений, располагающей множеством стандартных языковых средств, доступных широкому кругу носителей (например, такие концепты, как «мужчина», «женщина», «существование», «труд», «взаимоотношения», «радость» и т. д.). Другие, напротив, обладают ограниченным номинативным

диапазоном, имея недостаточное количество синонимических единиц или вовсе их не имея, а также обнаруживают гипер-гипонимическую организацию. Они представляют коммуникативную ценность лишь для узкоспециализированных сообществ и чаще всего относятся к профессиональным или специфическим понятиям (например, «мизинец», «ушная мочка», «разведение фауны» и т. п.). Третья категория включает концепты, у которых отсутствует систематически эксплицируемое номинативное поле; их выражение осуществляется через индивидуальные, ситуативные или окказиональные наименования, описывающие отдельные характеристики, но не охватывающие весь концепт в целом (например, «молодожены» и его гипотетический антоним, относящийся к тем, кто давно состоит в браке; несмотря на возможность создания окказиональных номинаций типа «старожены», «супруги со стажем», «они вместе не первый год», данный концепт остаётся коммуникативно второстепенным).

Понятийные единицы, закрепленные в языковой системе посредством словарного запаса и устойчивых выражений, нередко обозначаются как лексические или лексико-фразеологические. Однако необходимо учитывать, что подобная классификация отражает исключительно форму их языкового выражения, а не глубинную сущность самих концептов как элементов языковой структуры. В действительности, концепты обладают сложной когнитивной природой, выходящей за рамки их лексического оформления, поскольку они формируются на пересечении культуры, мышления и коммуникации. Таким образом, их вербализация — лишь один из способов их существования в языке, но не исчерпывающее определение их сущности.

Вывод

Проведенное исследование комического дискурса позволило выявить его сложную природу как феномена, находящегося на стыке языковых и культурных систем. Анализ комического высказывания в контексте различных культурных реалий и языковых структур продемонстрировал, что восприятие и создание юмора обусловлены как лингвистическими механизмами, так и культурными особенностями. Исследование подтвердило, что комический дискурс выступает в качестве отражения культурных

традиций, социальных норм и ценностей, а также служит инструментом для понимания динамики межкультурной коммуникации.

Результаты исследования подчеркивают, что восприятие юмора является многогранным процессом, зависящим не только от языковых норм, но и от культурных стереотипов, ценностей и контекстов взаимодействия. Таким образом, комический дискурс представляет собой важный объект изучения для понимания механизмов межкультурной коммуникации и особенностей взаимодействия языка и культуры.

Литература

1. Ахренова Н.А., Гальцов П.И. Фигуры контраста как инструмент создания комического эффекта в дискурсе стендап комедии // Вопросы прикладной лингвистики. 2023. №51. С. 87-113. https://doi.org/10.25076/vpl.51.04
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. М.: Худ. лит-ра., 1990. – 541 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая; сост. А. Д. Кошелев; пер. с англ. А. Д. Шмелева и др. М.: Языки славянских культур: Изд. А. Кошелев, 2011. – 567 с.
4. Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
5. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры: Пер. с нем. яз. / Вильгельм фон Гумбольдт; Сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
6. Гуревич А.Я. Проза Чехова (Человек и действительность) / А.Я. Гуревич. М.: Художественная литература, 1985. 153 с.
7. Дземидок, Б. О комическом. Пер. с польск. / Б. Дземидок. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
9. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Лекц. курс / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2002. 282 с.

10. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16-21.
11. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 28-37.
12. Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. М.: Посев, 1957. 151 с.
13. Малюга Е.Н. Лингвокогнитивный аспект изучения женской эмоционально-оценочной лексики в рекламном дискурсе / Малюга Е.Н., Хаперсткова А.А. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 71-79.
14. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
15. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
17. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. М.: Наука, 1986. 141 с.
18. Фефелова Г. Г. Концептосфера русской юмористической картины мира. Уфа : Изд-во УГНТУ, 2022. 196 с.
19. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. Сборник обзоров. М., ИНИОН РАН, 1992. С. 33-41.
20. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. Москва, 1997. 319 с.
21. Akopova A.S. Stylistic features of English-language sports discourse // Issues of Applied Linguistics. 2024. № 56. P. 34-61. doi: 10.25076/vpl.56.02
22. Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. № 5(2). P. 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89
23. Berger A.A., Gonot-Schoupinsky F. Humour and mental health: a case study of Arthur Asa Berger // Mental Health and Social Inclusion. 2023. Vol. 27. No. 1. Pp. 37–50. https://doi.org/10.1108/MHSI-08-2022-0051

24. Gribanova T.I., Gaidukova T.M. Hedging in different types of discourse // Training, Language and Culture. 2019. № 3(2). P. 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6
25. Grishechko E.G., Sharma G., Zheleznova K.Y. Peculiarities of Indian English as a separate language // Propositos y Representaciones. 2021. № 9. P. e913. doi: 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.913
26. Khramchenko D.S. Irony in English business discourse (functional-synergetic approach). Tula State Pedagogical University, 2010. EDN: QETCET
27. Maftei A. The indirect effect of compassion on katagelasticism: the mediating role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty // BMC Psychology. Vol. 11. Article 26. https://doi.org/10.1186/s40359-023-01063-z
28. Malyuga E.N., Akopova A.S. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution // Training, Language and Culture. 2021. № 5(4). P. 65-76. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76
29. Malyuga E.N., Popova K.V. Linguo-pragmatics of speech strategies and tactics in social advertising // Bulletin of Moscow State Region University. 2018. № 4. P. 231-241. doi: 10.18384/2224-0209-2018-4-925
30. O'Dowd, R. Virtual Exchange and internationalising the classroom // Training, Language and Culture. 2017. № 1(4). P. 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1
31. Steer O.L., Betts L.R., Baguley T.S., Binder J.F. "I feel like everyone does it"-adolescents' perceptions and awareness of the association between humour, banter, and cyberbullying // Computers in human behaviour. 2020. Vol. 108. Pp. 10629. https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106297.
32. Zhu L., Yang J., Yuan J. The use of multilevel emotion regulation strategies in the context of critical public events: the more the better? // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1403308. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1403308.

References

Akhrenova, N. A., & Galtsov, P. I. (2023). Figures of contrast as a tool for creating a comic effect in the discourse of stand-up

comedy. *Issues of Applied Linguistics, 51*, 87-113. https://doi.org/10.25076/vpl.51.04

Akopova, A. S. (2024). Stylistic features of English-language sports discourse. *Issues of Applied Linguistics, 56,* 34-61. doi: 10.25076/vpl.56.02

Antipova, A. S., Rabeson, M. D., & Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture, 5*(2), 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89

Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [The work of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance].* Khudozhestvennaya Literatura.

Berger, A. A., & Gonot-Schoupinsky, F. (2023). Humour and mental health: A case study of Arthur Asa Berger. *Mental Health and Social Inclusion, 27*(1), 37-50. https://doi.org/10.1108/MHSI-08-2022-0051

Cherneiko, L. O. (1997). *Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni [Linguistic and philosophical analysis of an abstract name].* Moscow.

Dzemidok, B. (1974). *O komicheskom [On the comic]* (Trans.). Progress.

Frumkina, R. M. (1992). Kontsept, kategoriya, prototip [Concept, category, prototype]. In *Lingvisticheskaya i ekstralingvisticheskaya semantika. Sbornik obzorov* (pp. 33-41). INION RAN.

Gribanova, T. I., & Gaidukova, T. M. (2019). Hedging in different types of discourse. *Training, Language and Culture, 3*(2), 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6

Grishechko, E. G., Sharma, G., & Zheleznova, K. Y. (2021). Peculiarities of Indian English as a separate language. *Propositos y Representaciones, 9,* e913. doi: 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.913

Gumboldt, V. (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]* (A. V. Gulysh & G. V. Ramishvili, Eds.). Progress.

Gurevich, A. Ya. (1985). *Proza Chekhova (Chelovek i deistvitel'nost') [Chekhov's prose (Man and reality)].* Khudozhestvennaya Literatura.

Karasik, V. I. (2004). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]*. Gnozis.

Khramchenko, D. S. (2010). *Irony in English business discourse (functional-synergetic approach).* Tula State Pedagogical University. EDN: QETCET

Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Lekts. kurs [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Lecture course].* Gnozis.

Leontiev, A. A. (1993). Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and image of the world]. In *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* (pp. 16-21). Institut yazykoznaniya RAN.

Likhachev, D. S. (1997). Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept sphere of the Russian language]. In *Russkaya slovesnost': Antologiya* (pp. 28-37). Academia.

Lossky, N. O. (1957). *Kharakter russkogo naroda [The character of the Russian people]*. Posev.

Maftei, A. (2023). The indirect effect of compassion on katagelasticism: The mediating role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty. *BMC Psychology, 11,* 26. https://doi.org/10.1186/s40359-023-01063-z

Malyuga, E. N., & Akopova, A. S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training, Language and Culture, 5*(4), 65-76. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76

Malyuga, E. N., & Khaperstkova, A. A. (2023). Lingvokognitivnyi aspekt izucheniya zhenskoi emotsional'no-otsenochnoi leksiki v reklamnom diskurse [Linguocognitive aspect of studying women's emotional-evaluative vocabulary in advertising discourse]. *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki, 1*, 71-79.

Malyuga, E. N., & Popova, K. V. (2018). Linguo-pragmatics of speech strategies and tactics in social advertising. *Bulletin of Moscow State Region University, 4,* 231-241. doi: 10.18384/2224-0209-2018-4-925

Maslova, V. A. (2005). *Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics].* TetraSistems.

O'Dowd, R. (2017). Virtual Exchange and internationalising the classroom. *Training, Language and Culture, 1*(4), 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1

Sorokin, P. A. (1992). *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]* (A. Yu. Sogomonov, Ed.). Politizdat.

Steer, O. L., Betts, L. R., Baguley, T. S., & Binder, J. F. (2020). "I feel like everyone does it"-adolescents' perceptions and awareness of the association between humour, banter, and cyberbullying. *Computers in Human Behavior, 108*, 10629. https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106297

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya [Constants: Dictionary of Russian culture: Research experience].* Shkola "Yazyki russkoi kul'tury".

Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits [Connotative aspect of the semantics of nominative units].* Nauka.

Fefelova, G. G. (2022). *Kontseptosfera russkoi yumoristicheskoi kartiny mira [The concept sphere of the Russian humorous picture of the world].* Izd-vo UGNTU.

Vezhbitskaya, A. (2011). *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty [Semantic universals and basic concepts]* (A. D. Koshelev, Ed.; A. D. Shmeleva et al., Trans.). Yazyki slavyanskikh kul'tur: Izd. A. Koshelev.

Vorkachev, S. G. (2004). *Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept [Happiness as a linguocultural concept].* ITDGK "Gnozis".

Zhu, L., Yang, J., & Yuan, J. (2024). The use of multilevel emotion regulation strategies in the context of critical public events: The more the better? *Frontiers in Psychology, 15*, 1403308. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1403308